
Евгений КАМИНСКИЙ

ВНУК ЛЕВЫ ЗАДОВА

Рассказ

Покойник Лева Задов и не знает, что у него есть внук.

А может, знает...

Лева (покойник) родился в земледельческой колонии Веселая Екатеринославской губернии в семье Юдея Задова, где помимо Левы было еще девять ненасытных ртов. В девятисотом году Задовы переехали в Юзовку, где после окончания хедера Лева трудился грузчиком на мельнице, потом каталем (то есть тачечником, тележником, в общем, грузчиком) на металлургическом заводе. Там-то, вкусив рвущего жилы ручного труда, он и заделался разбойником. И, как обычно у разбойников принято, разбойником себя считать отказался, назвавшись... анархистом. Так, конечно, удобней перед лицом собственной совести, если, конечно, она у человека имеется.

Поучаствовал Задов всего в трех налетах: на артельщика, на железнодорожного кассира и на почтовую контору. После нападения на почтовую контору Леву изловили и упекли. На каторгу.

Февраль семнадцатого расковал разбойника, и тот вернулся с каторги на завод, где стал старостой цехового комитета рабочих и даже пролез в депутаты городского совета. В восемнадцатом он вступил в анархистский партизанский отряд, промышленный на стороне Красной гвардии: громил германо-австрийцев на Донбассе, участвовал в обороне Царицына. Но разбойничье нутро депутата жаждало свободы и анархии, и он присоединился к движению Нестора Махно, армия которого к тому времени разрослась до шестидесяти тысяч клинков. У Махно Лева быстро дорос до заместителя начальника контрразведки, возглавив комиссию по изъятию, экспроприации и... прочих форм грабежа граждан.

При этом Лева не гнушался и откровенного душегубства: лично пытал, а как-то даже руководил расстрелом врага — командира «Железного полка» коммуниста Полонского, заподозренного в заговоре против Махно. Когда в январе двадцатого Махно был объявлен Советами вне закона, Лева с братцем Данькой спрятал заболевшего тифом Нестора в укромном месте и утек к родне на Донбасс. Весной двадцатого он вернулся к Махно, а осенью того же года Советы подружились с Махно с целью побить в Крыму барона Врангеля. Лева был назначен комендантом Крымского корпуса, участвовал в штурме Перекопа. После победы в Крыму Лева с остатками Крымского корпуса вновь

Евгений Юрьевич Каминский родился в 1957 году. Поэт, прозаик, переводчик. Автор одиннадцати книг стихотворений и нескольких книг прозы. Публиковался в журналах «Октябрь», «Звезда», «Юность», «Литературная учеба», «Волга», «Урал», «Крещатик», «Дети Ра», «День и ночь», «Плавучий мост», «Зинзивер», «Дружба народов» и других, в альманахах «День поэзии», «Поэзия», в «Литературной газете». Участник поэтических антологий «Поздние петербуржцы», «Строфы века» и многих других. Лауреат премии Гоголя за 2007 год. Лауреат Пятого всероссийского конкурса гражданской лирики им. Некрасова (2021), победитель Четвертого международного тургеневского фестиваля «Бежин луг» в номинации «поэзия» (2021) Живет в Санкт-Петербурге.

прибился к махновцам, которые в августе двадцать первого просочились в Румынию. Несколько лет Лева жил в Бухаресте случайными заработками. В двадцать четвертом году румынская разведка предложила ему устроить диверсии на территории Украины. Лева кивнул головой в знак согласия, но после перехода границы изрек подельяникам: «Хлопцы, ну его к черту, этот террор. Пошли сдаваться».

Сначала чекисты решили расстрелять Леву: тот все же участвовал в расстреле знатного коммуниста, зверствовал, грабил, но потом посчитали, что будет лучше оставить разбойника в живых, чтобы использовать его богатый опыт на практике.

После перемены участи Лева трудился нештатным сотрудником ГПУ и в двадцать девятом году совершил подвиг — поймал диверсанта. Сидя в засаде, увидел последнего, по-звериному крадущегося в чаще, и, подпустив поближе, крикнул: «Бросай оружие!» Тут же получил в ответ пулю в плечо, но, даже не екнув, повторил свое требование. И диверсант дрогнул от такой негибкости чекиста. Да и как не дрогнуть: если стреляешь в чекиста в упор, а тому — хоть бы хны.

Вплоть до августа тридцать седьмого служил Лева в органах и награждался на каждом участке борьбы советской власти с внутренними и внешними врагами. Однако в августе был все же арестован, обвинен в шпионаже в пользу Румынии (чистый поклеп!) и расстрелян. Не за шпионаж, конечно, и даже не за службу у Махно, а за близость к... Левке Бронштейну — к тому времени лютому врагу советской власти.

Да вот еще что: в тысяча девятьсот девяностом году пленум Верховного суда СССР живоглота Левку Задова реабилитировал. Вероятно, потому реабилитировал, что наступала новая эпоха живоглотов, которой надо было иметь своих героев. Тех, у кого ей неустанно учиться, на кого ей всемерно равняться.

Итак, у Левки Задова есть внук. Правда, тот — не Задов и даже не Зиньковский — последнюю фамилию Задов взял себе на каторге как более благозвучную, даже благородную, хотя Задов все ж не Жопин. Был такой директор оборонного завода в Ленинграде в середине прошлого века, орденосец, патриот и бесребреник. Так вот он даже под напором товарищей из горкома партии отказывался менять свою фамилию на том основании, что его отец достойно носил ту же неприглядную фамилию и при этом был уважаем людьми и уж, конечно, не умирал от стыда, лежа на печи с заплаканным от обиды на жизнь лицом.

«Был я Жопиным, — кричал он, бледный, взлохмаченный, вслед улепетывающим из его кабинета товарищам из горкома партии, — Жопиным и останусь!»

Те приходили просить его о смене фамилии. Или хотя бы одной буквы в фамилии, чтобы из неприглядного Жопина получился молодцеватый Жохин, грубоватый Жорин или ловкий Жогин. Но нет, орденосный директор был не согласен даже на одну постороннюю букву в своей фамилии.

Однако и товарищей из горкома можно понять: ну как, скажите на милость, вручать Жопину орден... Ленина?! Ну, орден «Знак Почета» это ладно. И на орден Трудового Красного Знамени у товарища Жопина можно, конечно, закрыть глаза.

Но как вы объясните массам орден Ленина на груди Жопина?!

«Орденом Ленина награждается товарищ Жопин!»

Да за такую формулировку можно и загреметь в места, не столь отдаленные.

Так что нет. Никак. Никак нет!

А ведь ох как заслуживал этот самый главный советский орден директор завода Жопин. Всей своей жизнью заслуживал, всей своей героической биографией, всей своей беззаветной преданностью державе!

Так вот у внука Задова была другая фамилия, обыкновенная, фамилия своего отца. А его мать — чистая Задова, да еще Львовна. Как и полагается дочке Левки Задова, даже

если тот чуть ли не полжизни ходил по земле Львом Зиньковским. (Принято считать, что дочь Левы Задова, служа на Краснознаменном флоте, погибла в сорок втором где-то в Крыму. Но именно оттуда, из Севастополя, привез свою жену отец внука Левы Задова — морской офицер.)

Внук Левы Задова устроился к нам в лабораторию в восемьдесят четвертом году прошлого века на должность инженера-электронщика.

И уже на следующий день один из ветеранов лаборатории, матерый член коммунистической партии, жестом пригласил меня к себе в закрома — в кладовку с железной дверью. Здесь, помимо спирта для обеспечения бесперебойной работы измерительных приборов, хранились утепленные палатки, спальные мешки на гагачьем пуху, унты, унтыта, бараньи полушубки, шапки и прочая меховщина, необходимая для работы геофизического полевого отряда в условиях Заполярья.

Я вошел в закрома, а ветеран, ухмыляясь, сообщил, что новый сотрудник «из этих».

— Каких этих? — не понял я.

— Тех самых, — усмехнулся ветеран и показал мне личную учетную карточку нового сотрудника, из которой следовало, что мать новичка — Анна Львовна Задова.

— «Я Лева Задов, со мной брехать не надо»? — осторожно процитировал я Алексея Толстого.

— Вот именно! — подтвердил ветеран и выставил меня из закромов.

Новичок на рабочем месте главным образом экономил энергию, как игуана: неподвижно сидел на стуле, закатив зрачки. Несомненно, берег себя для будущих свершений. Так сказать, отсиживался, предчувствуя грядущее. Ну да, он мог впаять сопротивление в плату или же выпаять оттуда сгоревший конденсатор. Но больше всего у него получалось кусачками отрубать золоченые лапки микросхем и помещать отрубленное в банку из-под майонеза — копить золото. (В те благословенные времена майонез расфасовывали по стеклянным двухсотпятидесятимиллилитровым банкам, запечатанным жестяной крышкой с резиновой прокладкой.)

Спустя недели две после того, как внук Задова к нам устроился, открылось главное — он коммунист.

Член партии, как тогда говорили, воздев указательный палец к небу и чуть приглушив голос.

Или же вскинув брови и потешно вылупив глаза.

За причастность к коммунизму его, полагаю, и взяли в нашу лабораторию на должность инженера. Так сказать, для укрепления линии партии на отдельном участке прикладной науки.

«Мы будем их давить!» — как-то вполне зловеще изрек внук Задова в лабораторное пространство и при этом сжал кулак, показывая сотрудникам лаборатории, как именно давить.

И все в лаборатории притихли.

Я подошел к внуку Задова и робко улыбнулся: нужно было немедленно уяснить, кого именно будут давить. Или хотя бы увериться в том, что если и будут, то не нас, малобюджетных ученых.

Внук Задова протянул мне газету «Правда» и ткнул указательным пальцем в заметку о гражданах, несогласных с линией партии, и я облегченно выдохнул.

Внук Левы Задова являлся человеком великого роста и нечеловеческой силы, с отполированной, как бильярдный шар, лысиной, глазами с толстыми линзами на маленьком, чуть вздернутом носу, плоскостопием и огромной, видимо, сломанной челюстью. (Прямо копия Задова-Зиньковского, который смотрит на тебя с фотографий тридцатых

годов прошлого века.) И всем этим внушительным богатством внук Задова обладал в свои неполные двадцать шесть!

В целом это был положительный человек. Неторопливый в движениях, взвешенный в решениях, немногословный в беседе, расчетливый у прилавка, тщательный при перечислении собственных достоинств и скрупулезнейший при взыскании денежного долга с должника. Он не был пока женат — все еще искал выгодный для себя вариант. И главное, если в начале какого-то дела не знал, с кем имеет дело, выходил из дела. Если же знал, то оставался в нем для извлечения личной выгоды. Что не вполне вязалось с его принадлежностью к коммунистической партии.

Завлаб — тоже член коммунистической партии, еще несколько лет назад прогрессивный заместитель директора знаменитого института, однажды пониженный до завлаба за расстрел швабов (разумеется, из швабры!) в одной из первых международных научно-исследовательских океанских экспедиций после спортивного праздника, задуманного и проведенного швабами в целях укрепления дружбы между немцами и русскими почему-то аккурат двадцать второго июня, взявших на том празднике все первые, вторые и третьи места, а потом пригласивших проигравших русских на товарищеский ужин с вином и немецкими песнями (после вина прогрессивный замдиректора и залег со шваброй в коридоре возле своей каюты караулить победителей), то и дело вызывал к себе в кабинет внука Левы Задова советоваться с ним по партийной линии. И так они могли советоваться часами, а мы, не члены, то есть колеблющиеся или же уклоняющиеся, в поте лица своего за себя и за них продвигали дело науки.

Внук Левы Задова быстро вошел в курс дела, понял, что в лаборатории к чему. За ремонт электронной аппаратуры он за все время своей службы тут так ни разу и не взялся. Как правило, мгновенно протестировав сломавшийся прибор с помощью осциллографа, он говорил взвинченному такой неожиданной полкомкой научному сотруднику: «Хлам! Заказывай новый, а этот на помойку!» — и вновь брался за чтение «Правды». За сломанный прибор по голове, конечно, никого не погладят, а вот за незнание генеральной линии партии с любого члена партии голову снимут, а вместе с ней и квартальную премию, и надбавку за вредность, и тринадцатую зарплату...

Впервые по-настоящему Задовым внук Задова проявил себя месяца два спустя после своего прихода в нашу лабораторию.

Как-то часам к двенадцати, то есть к обеду, осилив свежий номер «Правды» — разумеется, не от корки до корки, но исключительно те материалы, которые касались генеральной линии, — он подошел к коллеге, тому самому ветерану и матерому коммунисту, что вычислил в нем когда-то внука Левы Задова, и предложил тому купить у него только что прочитанную утреннюю газету с выгодой — дешевле на копейку.

Короче, не за три, а за две.

У ветерана был резон купить этот номер. Во-первых, номер был сегодняшним, свежим, хоть и читанным внуком Левы Задова. Во-вторых, ему этот номер предлагался прямо на рабочем месте, и, значит, не надо было тащиться за ним к газетному киоску да еще, возможно, топтаться в очереди.

Однако он не спешил выкладывать денюжки. Ведь внук Задова, его младший товарищ по партии, мог дать ему эту утреннюю «Правду»... просто почитать.

Но и внук Задова не сдавался: продолжал мягко настаивать на том, чтобы старший товарищ именно купил у него газету с выгодой для себя, тем самым принеся некоторую выгоду и ему, внуку Задова.

После обеда старший товарищ все же сдался на милость младшему. Последний за обеденным столом застрашал его: напел что-то о грядущей в рядах партии переемстанции ее членов. Мол, партия давно хочет очиститься от балласта, и чтобы тебя не вы-

чистили вместе со всяким мусором, надо хорошенько подготовиться к зачистке. Ветеран всерьез опасался за свое членство в партии и — так и быть, не велика потеря — купил у внука Левы Задова «Правду» за две копейки.

«Мы будем их давить!»

Так говорил внук Задова, глядя на фотографии тех, кого разыскивает милиция, а также тех, кто требует свободу политзаключенным, но особенно тех, кто просит политического убежища в Америке.

И это были, видимо, не пустые угрозы, если иметь в виду героическую биографию Задова-Зиньковского. Тот ведь руководил расстрелом большого коммуниста Полонского и самолично пытал врагов помельче. В общем, был образцовым палачом.

Потом было комсомольское собрание, на котором молодежь из комсомольского бюро, руководимая старшими товарищами из партийного комитета института, собралась, чтобы заклеймить молодого ученого, потерявшего... комсомольский билет.

Разумеется, по пьянке потерявшего. А при еще каких более-менее вразумительных обстоятельствах комсомолец может лишиться членского билета?!

На судилище много чего говорили, в основном что-то ритуальное и скучное, в общем, то, что просто не могли не говорить, не имели права. Это были все же молодые ученые, а вовсе не молодые управленцы, рвущиеся наверх и всегда готовые разорвать товарища в клочья, чтобы одним конкурентом на место у кормушки стало меньше. Эти же (молодые ученые) понимали всю условность проводимого с их участием мероприятия и просто открывали рты. Молодым ученым, без сомнения, было наплевать на свой комсомольский билет, и все они втайне сочувствовали подсудимому: каждый из них мог вот так потерять и затем угодить *в историю*.

И тут взял слово присутствующий на судилище внук Левы Задова. Зловеще ухмыльнувшись, он задал вопрос присутствующим:

— А если б это с ним случилось не в мирное время, а на войне?

И сам ответил на свой вопрос:

— Его бы расстреляли. И правильно сделали бы. Сегодня комсомольский билет потерял, а завтра родину предал.

Сказал и остался стоять в полной тишине, глядя по сторонам и довольно зловеще улыбаясь. Собрание собиралось было дружно возмутиться таким необоснованным выводом приглашенного партийца, но никто, однако, так и не решился возвысить свой голос. Все присутствующие то и дело исподтишка бросали взгляд на решительное лицо внука Левы Задова. Все. Даже члены партийного бюро института.

На том собрании был и я — комсомольский билет утерял молодой ученый, с которым мы посещали курсы по философии, готовясь к сдаче кандидатского минимума.

И вот о чем я тогда подумал: а хорошо, черт возьми, что внук Задова трудится в нашей лаборатории, а не во временном изоляторе или детском доме.

Потом внук Задова женился.

«Жена у меня страшенькая, зато у нее двухкомнатная квартира. Не с лица воду пить!» — философски завершил он свою маленькую исповедь в курилке.

Избранницей внука Задова оказалась молчаливая институтская дама с тяжелой поступью и расплывчатым лицом, по стечению обстоятельств — лучшая подруга дочери директора института.

На свою свадьбу внук Задова никого из нашей лаборатории не пригласил.

Зато на нее была приглашена лучшая подруга невесты со своим отцом.

После свадьбы внук Задова был тут же избран членом партийного бюро института, и заведующий нашей лаборатории — тот самый, стрелявший из швабры в обнаглевших швабов двадцать второго июня, — сделал внука Задова своим заместителем, правда, пока по идеологической линии.

А что ему после той свадьбы еще оставалось?!

Настали девяностые, и жена внука Задова родила ему дочь, последняя же, едва родившись, стала носить очки с толстыми, как у отца, линзами и копить деньги.

После рождения дочери внук Задова решил поменять двухкомнатную квартиру жены на Петроградской на четырехкомнатную в Рыбацком и попросил коллектив лаборатории помочь ему перевезти нажитое имущество к новому месту жительства.

В лаборатории был объявлен субботник, и мы поехали перевозить внука Задова с имуществом из центра города на окраину, правда, к станции метро. Кроме десяти лабораторных мужчин, грузчиком был приглашен и тесть внука Левы Задова, крепкий еще старик.

Перед тем как приступить к погрузке на Петроградской, грузчики были усажены за большой обеденный стол и каждому выдана тарелка с макаронами и одной сосиской. К блюду прилагалась стопка водки. Внук Задова на этот раз пересилил натуру и не поспешил: разлил литровую бутылку на всех. Выпив и закусив, грузчики возжелали трапезничать дальше, и хозяйка щедро наложила каждому желающему в тарелку макарон, но уже без сосиски, а внук Задова, тяжело вздохнув, вытащил из-под стола бутылку водки. Правда, на этот раз пол-литровую.

Закончив трапезу и получив заверения принимающей стороны в том, что по окончании миссии банкет будет продолжен, грузчики взялись за дело.

Все, и тесть внука Левы Задова в том числе, хрипя и матерясь, стаскивали имущество внука Задова во двор к грузовому фургону, а внук руководил и направлял. Главное было — не повредить и не поцарапать, а также не дать проходящим мимо горожанам что-нибудь украсть.

Потом все ехали в закрытом фургоне с Петроградской в Рыбацкое, глядя на прыгающие тумбочки и прижимаясь к грозящим рухнуть комодам.

В Рыбацком было гораздо просторней, чем на Петроградской, но значительно промозглей. Но здесь хотя бы не пришлось таскать на себе имущество внука Задова на девятый этаж. В подъезде оказался грузовой лифт.

Переместив и задвинув задовское имущество в одну из четырех комнат — остальные были еще заняты прежними обитателями в халатах, бигуди и домашних тапочках, — грузчики отправились восвояси, предвкушая продолжение банкета и не желая слушать вопли прежней хозяйки новой квартиры внука Левы Задова: та обвиняла последнего в подлоге, обмане и мелком воровстве. Внук Задова лишь посмеивался, глядя на прежнюю хозяйку своей новой квартиры сверху вниз и понимая, что та едва ли посмеет броситься на него с кулаками в присутствии стольких свидетелей.

Грузчики уже лезли в фургон, намереваясь вернуться к гостеприимной жене внука Задова и там продолжить начатое, но тут во дворе появился внук Задова и... отпустил фургон на все четыре стороны, а растерянным грузчикам указал рукой кратчайший путь к станции метро. Потом, намного подумав, вызвался проводить их туда.

На площади у входа в метро он, кажется, вспомнил о своем обещании продолжить банкет после завершения погрузочно-разгрузочных работ и купил грузчикам одиннадцать вафельных стаканчиков с молочным мороженым. Тесть внука Задова наотрез отказался от своего вафельного стаканчика и даже собрался бросить его в урну, но внук Задова неожиданно проворно перехватил у тестя вафельный стаканчик. Тогда, пыхтя от обиды, тесть предложил зятю заменить молочный стаканчик бутылкой «Жигулевского» пива.

— Нет проблем! — изрек внук Задова, отнес стаканчик тетке, у которой покупал мороженое, и после непродолжительной схватки с работником торговли получил от

нее, ошарашенной, назад свои деньги за возвращенный стаканчик, на которые тут же приобрел бутылку «Жигулевского» пива для теста.

Тесть сокрушенно покачал головой, но бутылку, однако, тут же выдул из горлышка.

Девяностые были в разгаре, и те, кого прежде разыскивала милиция вкупе с теми, кто требовал свободу всевозможным политзаключенным, расселись на самом верху и принялись всем рулить.

Внук Левы Задова, глядя на такие метаморфозы и не бросая работы в лаборатории, где платили слезы, но зато регулярно, устроился на фанерный завод начальником одной из четырех бригад, сутки через трое охранявших фанеру. Туда же утек из лаборатории, и тоже не увольняясь из нее, один из лучших научных сотрудников — тот самый, которого едва не расстреляли за утерю комсомольского билета. Дело для ученого было новое: в форменной одежде с черным терьером на поводке и днем и ночью, и в холд и в зной обходить территорию фанерного завода, выискивая воров и прочих нарушителей законности. А в свободное от работы время заниматься боксом и вольной борьбой в спортзале под наблюдением людей из администрации фанерного завода.

Внук Задова и здесь в основном руководил: наставлял, инструктировал, а то и устраивал кому-то (как правило, этому самому молодому ученому) рублевую выволочку за какой-то копеечный просчет. Начальство фанерной фабрики не могло нарадоваться на внука Задова и за его рост, и за фактуру, и за сломанную челюсть (им он казался своим), и — главное! — за умение распечь интеллигента. Но однажды с последним — весьма ответственным товарищем (утеря комсомольского билета — нелепость, не более) — на дежурстве случилась неприятность.

Через территорию фанерного завода жителями соседних кварталов была протоптана тропа, сокращавшая подходы от метро к месту жительства и обратно чуть ли не на километр. Все на заводе, и охранники тоже, о народной тропе знали и на влезających в одну дыру в заборе для того, чтобы перебежать территорию до другой дыры и исчезнуть в ней, смотрели сквозь пальцы. Но молодой ученый с черным терьером на поводке смотрел на эти вещи иначе. Он не терпел неопределенностей и исключений из общих правил. Стремительно догнав какого-то очередного перебежчика, он собрался совершить задержание оного. Однако перебежчик, рабочий с Балтийского завода, искренне удивленный таким поворотом дела, осознав, что ученый крепко схватил его за рукав, врезал ученому в глаз. И никакой бокс, никакая вольная борьба ученому не помогли. Он упал на снег, а рабочий отправился к лазу в заборе, и не думая о том, чтобы прихватить что-либо из готовой фанерной продукции.

Черный терьер навзничь упавшего ученого изошел на хриплый лай и чуть не оторвал ученому руку. Тогда последний, держась одной рукой за ушибленный глаз, другой — по инструкции — спустил терьера с поводка. Тот в три прыжка нагнал балтийского рабочего и вырвал у него зубами часть ягодицы. Рабочий лежал на земле, вытаращив глаза и что-то бормоча, терьер рвал на нем полушубок, а ученый, пытаясь оттащить терьера от изорванного в клочья рабочего, вызывал по рации подкрепление.

Для ученого все закончилось благополучно: его не посадили в тюрьму за увечья, нанесенные его терьером рабочему, поскольку в крови рабочего, на счастье ученому, обнаружился алкоголь, позволивший возложить всю вину за увечье, полученное рабочим, на самого рабочего.

Охранную инструкцию фанерного завода после этого инцидента переписали: охранникам теперь запрещалось рвать граждан черными терьерами в клочья, даже если граждане выносили с территории неоплаченную фанеру. Ученый же из лаборатории тихо уволился, не то решив уже всецело посвятить себя делу охраны имущества где-то в другом месте, не то отправившись в ближайшую пустынь на покаяние.

Внук Задова заливисто хохотал, рассказывая коллективу лаборатории эту историю с фингалом, черным терьером и куском ягоды. И кажется, был весьма доволен тем, что это скверное дело не коснулось его самого: ведь инструкция на использование черного терьера в отношении гражданских лиц, незаконно проникших на территорию фанерного завода, была написана задолго до него.

Спустя полгода пребывания на фанерном производстве внук Левы Задова купил гараж во дворе возле своего дома (какой-то Боря из пивбара, разбогатев на недоливе, рвал когти в Соединенные Штаты — и потому продавал гараж по дешевке). Как ему тогда казалось, на будущее.

Но гараж этот теперь каждый день напрягал внука Левы Задова, идущего мимо к станции метро: последнему казалось, что он упускает какую-то выгоду. И тогда внук Задова купил для гаража автомобиль «ладу», десятую модель.

Водительские права еще не лежали у внука Задова в нагрудном кармане, а автомобиль уже стоял в гараже, чистенький, нецелованный, под тремя замками. И на спидометре у автомобиля было всего пять километров. Стоять-то стоял, но аккуратно через шесть месяцев, как указано в инструкции для этого автомобиля, внук Левы Задова с помощью тестя поменял в нем машинное масло и масляный фильтр. Собирался поменять еще и воздушный фильтр (это также было рекомендовано сделать через полгода), но тесть покрутил указательным пальцем у своего виска, и внук Задова, вздохнув, решил сэкономить на воздушном фильтре.

Вскоре тесть внука Левы Задова умер. Что-то нехорошее нашли у него в голове. Внук Левы Задова с женой изо всех сил лечили его дорогими швейцарскими таблетками «от головы», но тот все равно умер, а таблетки остались. Недопитыми!

И внук Левы Задова полгода после смерти тестя самоотверженно пил эти таблетки.

— Зачем? — возопил я, когда узнал, что тот пьет таблетки «от головы», которые ему никто не прописывал.

— У них скоро срок выйдет, — вздыхал внук Задова. — А знаешь, сколько они стоят? Хуже мне от них не будет, я ведь вполне здоров...

Шли годы. Внук Левы Задова терпеливо выискивал в новых временах пути к достойной жизни, которая наладилась не только наверху, но и где-то совсем рядом, поскольку «кадиллаки» с ветерком все чаще пронеслись мимо него и разукрашенные шлюхи в соболях подмигивали ему с задних сидений этих самых «кадиллаков». Выискивал, выискивал и, кажется, напрочь забыл о том, что был когда-то членом партийного бюро, готовым давить не только врагов народа, но и всех мало-мальски сомневающих в праведности коммунизма соотечественников.

На фанерном заводе он вдруг осознал истинную цену древесины в целом. Поэтому без отрыва от фанерного производства окончил курсы оценщиков качества древесины и переместился в морской порт, откуда новорожденные акулы отечественного капитализма с задорным огоньком в глазах гнали в Европу ворованный русский лес. Пока наверху государственные люди, те самые, которых когда-то разыскивала милиция и которые собирались бежать в Америку, но не успели, сосредоточенно набивали себе карманы, полагая, что завтра им могут дать за это по рукам или по морде, из морских портов державы уходили караваны судов, груженных отечественной древесиной. На пересортице древесины, загруженной только в один лесовоз, внук Задова мог легко заработать себе еще на один автомобиль. Естественно, пока ему не дали по рукам или по морде.

И внук Задова занялся пересортицей.

У него стремительно вырос живот, да такой, что его дочь зашнуровывала ему ботинки. Сам внук Задова не мог дотянуться до шнурков ни сидя, ни стоя.

В гараже у него теперь блестел новый японский автомобиль, чтобы было не стыдно перед единомышленниками и соучастниками. Глядя на свой японский автомобиль по субботам, внук Задова кусал себе локти: всякий раз продавая предыдущий, необъезженный, с иголки автомобиль, он терял солидную часть суммы, затраченной на его покупку. Но особенно обидно было то, что на спидометре продаваемого «старого» автомобиля было, как правило, не больше пяти километров, да и моторное масло с масляным фильтром менялось в нем не реже, чем раз в полгода. По инструкции.

Как-то внук Задова появился в нашей уже дышащей на ладан лаборатории (несколько лет как уволившись из лаборатории и с фанерного завода, он до сих с переменным материальным успехом отправлял из морского порта лесовозы) пригласить бывших коллег в баню. И соблазнил всех тем, что уже арендовал баню на два с половиной часа да еще прикупил туда выпивки и кое-какой закуски.

Мы робко вошли в баню со своими венниками: парились, пили водку, закусывали чипсами, с благодарностью слушали нескончаемые истории внука Левы Задова из жизни замечательных людей нового времени, а когда наше время закончилось, на выходе банщики неожиданно обязали каждого из нас выложить по пятьсот рублей за услуги.

Внук Задова, сохраняя олимпийское спокойствие, заявил ошарашенным коллегам, что они его... просто не так поняли, что за все в жизни надо платить, и за баню тоже, и первым выложил пятьсот рублей.

Не все тогда смогли заплатить требуемые пятьсот: некоторые недобрали необходимой суммы и вынуждены были просить ее у внука Задова...

В нулевых жизнь в державе, вопреки плодотворной деятельности ее предыдущих руководителей, понемногу наладилась, и на бледных лицах ученых появился легкий румянец. Прежний заведующий лабораторией отошел в мир иной, и после некоторых внутрилабораторных подвижек, связанных с естественной убылью ветеранов коллектива и приходом нового поколения, я, как раз застрявший между двумя поколениями, к тому же скорей вопреки, нежели благодаря, сумевший получить ученую степень, оказался ее заведующим.

И однажды ко мне в кабинет — узкая, шириной в полтора метра и длиной в три, комнатенка, на которую никто из всевозможных институтских начальников никогда не претендовал и, главное, не мог обвинить его обладателя в фанатерии или отрыве от коллектива, — ввалился внук Левы Задова. Огромный, как борец сумо, но какой-то потерянный.

Пришел проситься назад, в науку, даже на небольшую зарплату инженера, и глаза у него бегали.

Я понял, что в державе наступила новая эпоха: большие государственные люди благополучно набили свои карманы и решили наконец оценить упущенную державой за эти годы выгоду. Ведь пока они, государственные, наверху набивали свои карманы, можно сказать, на вполне законных основаниях, всякие негосударственные, но предприимчивые внизу делали то же самое незаконно, с подкупом, рэкетом и убийствами, вывозя за рубеж державы все, что в ней плохо лежало. И древесину в том числе... В общем, кому-то из крупных древесинщиков, похоже, наконец дали по рукам или даже по морде.

И внук Задова решил: пока ему не дали по рукам или по морде, отсидеться в лаборатории. Примерно так поступает налим в речной заводи, прячась под корягой задолго до прихода роковой щуки.

О, как он говорил о своей безнадежно больной жене и близорукой дочери! Какие трагические нотки подпускал в изложение, когда речь шла о его собственном пошатнувшемся здоровье.

И я взял его. Взял, конечно. Не смог не взять. Правда, понимая, что работать (ремонтировать перегоревшие приборы) внук Задова едва ли будет, но станет, как когда-то, весь рабочий день читать прессу (теперь, естественно, «Коммерсант»), я попросил его, прежде чем идти оформляться в отдел кадров, написать мне заявление об уходе из лаборатории по собственному желанию.

Зачем?

А чтобы когда внук Задова отсидится здесь под корягой и, как уже бывало, вновь отправится гнать древесину или еще что-то ценное за границу, неделями не появляясь в лаборатории, но требуя себе и зарплату, и квартальную премию, я мог его без нервотрепки уволить за прогулы.

Внук Задова с ненавистью посмотрел на меня, но заявление скрепя сердце написал. Уж очень ему нужна была в тот момент коряга! Написал, устроился и тут же принялся искать пути уничтожить это свое заявление. Однако то лежало в сейфе, а ключ от сейфа был у меня в связке вместе с ключами от квартиры. И внук Левы Задова держал себя в рамках: прогуливал не более двух дней в неделю и сдерживался от откровенного хамства в мой адрес. Потом все же не выдержал: вошел в сговор со старшим инженером, ходившим на работу с портфелем, в котором покоилась только подушка (на нее он складывал свою буйную головушку в кладовке, чтобы покемарить на рабочем месте два-три часика). Тот (с подушкой) был категорически не согласен с моими методами руководства лабораторией, пресекавшими вынос чего-либо из оборудования и расходных материалов для использования в личных целях. И оба они стали искать слабые места и трещины в руководстве лабораторией. Нужно было надыбать хоть что-то мелкое, но противозаконное, в чем можно было уличить начальника и тем самым зацепиться за возможность не присутствовать на рабочем месте каждый божий день.

Но чтобы занять такое счастье, внуку Задова нужно было либо обвинить завлаба в государственной измене, либо на худой конец выявить у него застарелый сифилис...

Древесина, только древесина, горько пахнущая смолой и деньгами, вкупе с всегдашней возможностью ее пересортицы с выгодой для себя, была в сердце внука Левы Задова. Девяностые были его временем. Да и нулевые в какой-то мере. Именно для этих времен он берег себя в восьмидесятых, сидя часами, как сомнамбула, с прикрытыми веками и холодным паяльником в руке, для них, родимых, он копил энергию с газетой «Правда» на коленях на протяжении почти всего рабочего дня, совсем как легендарный Илья Муромец, когда-то, лежа на печи, ждавший своего часа. И когда пришли девяностые, поднялся могучий внук Левы Задова в полный рост, как русский богатырь против поганных ордынцев, и погнал русский лес караванами, эшелонами на запад и на восток, и казалось, уже никто не сможет остановить этого чудо-богатыря...

Что тут скажешь?! Конечно, дал слабину внук Левы Задова, когда вернулся в лабораторию. В какой-то мере подписал себе приговор и теперь должен был трудиться, как все тут, за копейки. Хотя почему трудиться?! Отсиживаться, ждать, пока там, в порту, да и в державе набьют морды всем причастным к расхищению ее богатств, и тогда можно будет вылезти из-под коряги и снова *достойно* жить.

Кстати, водительские права уже давно лежали у внука Задова в кармане, и автомобиль он менял, как всякий уважающий себя человек, раз в три года, и масло моторное в них менял, и масляный фильтр.

И до сих пор так ни на одной из них и не ездил.

Почему-то боялся. Очень боялся.